

На правах рукописи

МАСЛОВ Андрей Сергеевич

**ЗООМЕТАФОРЫ-ИНВЕКТИВЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Белгород – 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна

Официальные оппоненты: **Климас Ирина Сергеевна**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», профессор кафедры русского языка

Глушкова Валентина Геннадьевна, кандидат филологических наук, АНО ВПО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», доцент кафедры социальной работы и психологии

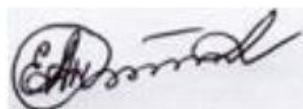
Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»**

Защита состоится «17» июня 2014 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 по присуждению учёной степени доктора филологических наук при Белгородском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, корпус 2, Зал заседаний диссертационных советов, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2014 г.

Учёный секретарь диссертационного совета, доктор филологических наук, доцент

Е.А. Огнева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная лингвистика сосредоточена на изучении языка в социокультурном контексте, языка как дискурса. При этом язык как полифункциональная система наряду с коммуникативной, познавательной, эстетической, прагматической и пр. функциями выполняет инвективную функцию. Эта функция предполагает использование языковых средств с целью дискредитации, реализации вербальной агрессии, а потому исследование инвективной лексики русского языка – актуальное направление современного языкознания.

Особый объект в этом аспекте представляет собой зоометафора. Зоометафоры прочно вошли в языковую культуру этносов как часть сверхобщности, в которой аккумулированы представления народа о системе ценностей. В то же время исследователи отмечают их преобладающие отрицательные смыслы (Н.Д. Голев, В.И. Жельвис, О.Н. Быкова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Т.С. Вершинина, О.В. Галимова, О.В. Демидов, Н.И. Доронина, А.В. Ковалевская, И.В. Куражова, В.М. Мокиенко и др.).

Актуальность исследования зоометафор-инвектив обоснована рядом факторов. Во-первых, она определяется возросшим интересом современной лингвистики к проблемам метафоризации в связи с ролью метафоры в языке и культуре. В этом контексте зоометафоры как одна из лексико-семантических групп инвективной лексики репрезентируют особенности национальной картины мира, вбирая в себя результаты этнокультурной стереотипизации, что позволяет воспринимать культурные смыслы на глубинных уровнях содержания единиц. Во-вторых, анализ зоометафор-инвектив в различных типах дискурса значим в контексте развития когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, основы которой были заложены в трудах Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранова, Т.А. ван Дейка, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина. На материале зоометафор может быть расширено представление о формировании инвективности в её вербальном, когнитивном и прагматическом преломлении, исходя из чего актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью конкретизации принципов определения критериев оскорбительности зоонимной лексики, создания инструментария и выработки методики интерпретации этнообусловленных инвективных коннотаций зоометафор для определения степени их инвективности с возможностью последующего использования полученных результатов в лексикографической, а также судебной практике при рассмотрении исков об оскорблении чести и достоинства человека.

Объектом настоящего исследования является инвективная зоометафорическая лексика, представляющая фрагмент языковой картины мира русского народа.

Под зоометафорой мы понимаем одну из разновидностей метафор, предметом отображения которой являются реалии животного мира, свойства которых экстраполируются на человека. В структуру инвективной зоометафоры вхо-

дят негативно-оценочные семы. Таким образом, она употребляется носителями языка с инвективной интенцией.

Предметом нашего исследования являются функционально-семантические и коммуникативные особенности инвективных зоометафор.

Материалом послужили зоометафорические и зоонимные лексемы (около 400 ЛСВ), отобранные методом сплошной выборки из русскоязычных толковых, ассоциативных, фразеологических и культурологических словарей, словарей сленга и жаргона, ресурсов сети Интернет (социальные сети и блоги), Национального корпуса русского языка, текстов федеральных и региональных СМИ, а также из 13 печатных текстов на русском языке (книги из современного литературного сериала «Этногенез») и 34 серий молодёжного сериала «Интерны», а также данные, полученные в ходе ряда лингвистических экспериментов, проведённых среди жителей Белгородской области. Общий объём фактического материала составил более 3000 страниц.

Выбор в качестве фактического материала исследования зоометафор обусловлен тем, что именно они дают более всего поводов для разночтений в судебной лингвистической экспертизе. Инвективность пейоративной лексики очевидна, в то время как инвективность зоометафор нуждается в доказательной лингвистической базе, поскольку речь идёт о вторичных значениях зоонимов, которые являются элементами литературного языка и сами по себе не являются инвективами, а их вторичное инвективное значение зачастую не отмечено словарями либо лишено предупредительных помет.

Целью настоящего исследования является коммуникативно-дискурсивный анализ зоометафорических номинаций как одного из разрядов инвективной лексики.

В основе нашей работы лежит следующая **гипотеза**. *Высокий инвективный потенциал зоометафор проистекает из их онтологической принадлежности к номинациям, экстраполирующим свойства реалий из мира «Животное» на объекты мира «Человек». При этом степень инвективности зоометафор оказывается различной и может быть определена посредством экспериментального анализа. Инвективный потенциал зоометафор проявляется в рамках различных дискурсов, репрезентируя коммуникативно-прагматические интенции адресанта, и определяется коммуникативно-дискурсивными условиями.*

В связи с заявленной целью и сформулированной гипотезой в работе решаются следующие **задачи**:

- выявление основных признаков инвективы, а также принципов систематизации и классификации инвективной лексики в научной литературе с позиции актуальных направлений филологических исследований: лингвокультурологии, лингвокриминалистики, гендерных исследований;
- отбор и систематизация материала, содержащего зоометафоры-инвективы, с последующим анализом зоометафорических инвектив и

- выявлением их инвективного потенциала как способности к выражению негативных интенций говорящего;
- анализ роли зоометафор как базового компонента формирования метафорической модели, отражающей языковую картину мира в русскоязычном сознании;
 - выявление особенностей функционирования зоометафор как инвективных номинаций в разговорно-просторечном дискурсе и интернет-коммуникации;
 - определение принципов употребления стилистических помет в словарях с целью обнаружения параметров эмоционально-оценочной лексики и установление степени инвективности по словарям ненормативной лексики;
 - проведение экспериментальных исследований инвективных зоометафор среди жителей Белгородской области;
 - разработка алгоритма анализа инвективной лексики с целью диагностирования инвективного намерения индивида;
 - подготовка материалов для «Словаря инвективности» с опорой на данные толковых и ассоциативных словарей, а также на результаты лингвистических экспериментов.

Теоретико-методологической базой исследования послужили положения о взаимосвязи и взаимообусловленности языка и культуры, разрабатываемые в рамках когнитивной лингвистики и лингвистической культурологии (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, С.А. Кошарная, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.Д. Шмелев и др.); а также концепции отечественных и зарубежных исследований, посвящённых анализу инвективной и обценной лексики (Голев, 1999, 2000; Мокиенко, 1994; Шарифуллин, 2000; Левин, 1998; Жельвис, 2004; Стернин, 2010; Позолотин, 2005 и др.), зоонимов и их производных (Миронюк, 1988; Огдонова, 2000; Голубовська, 2003; Жерибко, 2005; Фролова, 2005, Патюкова, 2009; Гусар, 2006; Калиткина, 2010, Павлова, 2005, Гукетлова, 2009 и пр.) и проблематике метафоры (Лакофф, 1980, 1996, 2004; Баранов, Караулов, 1991, 1994; Будаев, Чудинов, 2006, 2008; Вершинина, 2002; Дейк, 2007, 2008 и др.). Работа выполнена в русле когнитивно-дискурсивного и коммуникативного подходов с использованием методологии лингвокриминалистики, экспериментальной лингвистики, лингвокультурологии и теории концептуальной метафоры.

В работе нашли применение общеисследовательские (*индукции, классификации, абстрагирования, метод социологического опроса* (анкетирование), *количественный*) и собственно лингвистические (*описательный, структурный, стилистический, метод компонентного анализа, частные экспериментальные методы* (ассоциативный эксперимент, лингвистический эксперимент и пр.) методы. Так, в частности, использован метод индексации инвективности, который заключается в расчёте числовых

значений, определяющих степень присутствия в лексеме инвективных сем (индекс инвективности (I_i)) по специальной формуле:

$$I_i = \frac{(n_1 + n_2 + \dots + n_N)}{N},$$

где $n_1 \dots n_N$ – это номер позиции слова в иерархии списочных инвектив, выстраиваемой каждым из респондентов (при этом слова располагаются респондентами в порядке усиления негативной оценки – от положительного (нейтрального, наименее оскорбительного) к отрицательному (оскорбительному, наиболее оскорбительному), а N – общее количество респондентов.

Научная новизна диссертации заключается как в характере эмпирического материала (в работе, помимо прочего, анализируются инвективные зоометафоры, функционирующие в интернет-коммуникации), так и в самом подходе к анализируемому материалу: зоометафоры-инвективы представлены в работе как когнитивно-дискурсивные образования в аспекте их фреймово-слотовой организации; разработаны теоретические основы для создания «Словаря инвективности» (по аналогии со словарями частотности) и заложена фактическая база для такого словаря на материале зоометафор; впервые предложена экспериментальная методика определения индекса инвективности зоометафор с учётом различных социологических факторов, произведён сопоставительный анализ результатов исследования с имеющимися аналогами.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Зоометафоры в целом и инвективные зоометафоры, в частности, обладают кумулятивной функцией, вбирая в себя наслоения различных культурных эпох и являя собой динамические структуры в контексте этнокультурной языковой картины мира.

2. Инвективный потенциал зоометафорической лексики обусловлен как её онтологическими свойствами, так и словообразовательной и ассоциативной продуктивностью в различных коммуникативных средах, при этом инвективные зоометафоры характеризуются более низкой степенью инвективности по сравнению с другими разрядами инвективной лексики.

3. Для выявления нового ЛСВ зоонима необходимо сопоставление данных, представленных в лексикографических изданиях (предписательное значение), с материалами лингвистических и ассоциативных экспериментов (выявление описательного значения), поскольку вновь формирующиеся актуальные ЛСВ зачастую не фиксируются в словарных статьях.

4. Индекс инвективности зоометафор, статистически представленный с учётом различных социальных показателей, репрезентирует обобщённое мнение носителей языка и позволяет судить о степени представленности в лексеме инвективных сем. При этом подвижность номинанты на шкале инвективности обусловлена гендерными, возрастными, социальными особенностями носителя языка, местом его проживания и др. факторами.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в интегративном описании инвективной зоометафоры как способа реализации инвективных интенций говорящего в различных типах дискурса и в разработке алгоритма исчисления индекса инвективности данных образований, что призвано внести определённый вклад в теорию коммуникативной и когнитивно-дискурсивной лингвистики. Кроме того, в исследовании разработан инструментарий и предложена методика определения степени инвективности зоометафор как объекта судебно-криминалистической экспертизы. В работе определяются способы лексикографической репрезентации зоометафор-инвектив в различных словарях, что является значимым для теории лексикографии. Результаты и выводы работы способствуют углублению знаний о культурной семантике русской зоометафорической лексики в целом.

Практическая значимость предпринятого исследования определяется возможностью использования результатов работы в лексикографической практике, в учебных курсах по лексикологии, культуре речи, стилистике, лингвокультурологии, социолингвистике, а также при проведении лингвистической экспертизы текстов по делам о защите чести и достоинства личности. Результаты работы имеют возможность внедрения в педагогическую практику (в контексте борьбы со сквернословием) и практику лингвистических экспертиз.

Апробация исследования. Основные положения работы представлены в докладах и сообщениях на международных конференциях в г. Белгороде (НИУ «БелГУ», 2008, 2010, 2012, 2013), г. Ереване (АГПУ, 2011), г. Одессе (ОНУ, 2013), всероссийских научно-практических конференциях в г. Белгороде (БГИИК, 2010), региональных научно-практических конференциях в г. Старом Осколе (СОФ НИУ «БелГУ», 2009, 2011), Белгороде (НИУ «БелГУ», 2009, 2010, 2013, 2014).

По теме исследования в центральной и региональной печати опубликовано 16 работ, включая 3 публикации в изданиях, входящих в перечень ВАК.

Структура диссертации. Диссертация объёмом 252 с. состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы и пяти Приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются объект и предмет, цель и задачи работы, исследовательская база и методы исследования, научная новизна, практическая и теоретическая значимость полученных результатов, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Коммуникативно-дискурсивная специфика инвективных зоометафор как фактов языка и культуры»** анализируются исходные понятия, положенные в основу исследования: определяются

когнитивные и языковые основания лингвокультурологического анализа инвективной лексики, содержится исторический экскурс, представляющий различные, порой полярные, точки зрения исследователей на зоонимические метафоры, выявляется специфика зоометафоры как элемента этнокультуры, определяются и теоретически обосновываются используемые термины: *зоометафора-инвектива*, *индекс инвективности*. Здесь же представлены различные классификации зоометафор.

Инвективные зоометафоры как один из разрядов инвективной лексики и одна из семантических групп зоонимных (зоонимических) метафор рассматриваются в работе с позиции актуальных направлений современной лингвистики и в контексте их бытования в живой речи, традиционном фольклорном дискурсе и интернет-среде.

В параграфе 1.1. «*Инвективная зоометафора как объект современной лингвистики*» на основе анализа многочисленных исследовательских работ, в которых рассматриваются проблемы зоометафорической лексики и инвективы как единицы лингвистики и права, определяется положение зоометафор в ряду инвективной лексики.

Зоосемантические метафоры (зоометафоры) составляют отдельную группу в корпусе инвективной лексики (Н.Д. Голев, В.И. Жельвис и др.). В классификации инвектив по способу отрицательного воздействия на адресата (Г.В. Дмитриенко и др.), в своём большинстве они относятся к агрессивным (экспрессивным) инвективам – инвективным именам лица (*козёл, баран, ишак, корова, канцелярская крыса, кляча, овца* и др.) и – в значительно меньшем количестве – к эксплетивным (импрессивным) инвективам – междометным ругательствам (*Собачья жизнь!* и др.). По происхождению это, прежде всего, инвективы, которые образовались путём перехода общеупотребительной лексики в инвективную за счёт метафоризации зоонимной лексики (*щенок, паразит, лось, олень* и др.), в меньшей степени – путём соединения двух или нескольких слов или корней, одно из которых инвективное, а второе – зооним (*долбодятел* и др.).

Инвективная зоометафора – одна из разновидностей зоонимной метафоры, в состав которой входят ЛСВ, реализующие инвективную функцию языка (содержат в своем составе инвективные семы, могут иметь соответствующие пометы в словарях или не иметь таковых (в случае, если таковые семы выявляются из наблюдений над живой речью, в ходе лингвистических экспериментов и опросов носителей языка). Основой при образовании связей между объектом первичной и вторичной номинации становится сема или совокупность сем, которые входят в коннотативное или в денотативное значение лексем, но уже в качестве ядерных сем и в виде основания для смысловых преобразований при метафоризации. Мы полагаем, что в генерировании зоометафор-инвектив имеют место три основания для сравнения: внешний вид животных (*корова*), их повадки (*кошачья походка*), особенности взаимодействия с другими представителями животного мира (*живут как кошка с собакой*). В

качестве гипотезы мы выдвигаем тезис о том, что процесс приобретения зоонимами переносного значения рано или поздно завершается оформлением этого значения как отрицательно-оценочного.

Многие зоометафоры становятся основой для дальнейшего развития многозначности, одновременно характеризуя различные человеческие качества, например: *ишак* – 1) бран. об упрямом, глупом человеке [МАС 2014]; 2) перен. Человек, безропотно выполняющий самую тяжёлую работу (прост.) [Ожегов 2008-2009]; *бык* – 1) большой, сильный человек, 2) рэкетир, налётчик, 3) так называемый «новый русский» [Елистратов 2007: 54]. Поэтому актуальным является вопрос о дальнейшем развитии этого разряда инвективной лексики. Здесь возможна реализация двух тенденций: во-первых, развитие многозначности метафор, во-вторых, закрепление в сознании носителей языка ведущего метафорического значения, которое в дальнейшем вытеснит прочие сначала из ядерной части ассоциативного поля на периферию, а после и полностью.

Параграф 1.2. «Лингвокультурологические особенности инвективных зоометафор» посвящён рассмотрению лингвокультурологических особенностей зоометафорической лексики. В любой культуре в образах животных находят отражение древние верования, что впоследствии служит основой для переноса названия животного на человека. В своём происхождении метафора соотносится с мифом, о чём неоднократно писали исследователи (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, С.А. Кошарная и др.). В результате образы получают дополнительную смысловую нагрузку, становясь фактически образами-символами, в которых зашифрованы основные представления социума о внешних и внутренних характеристиках человека, его характере, интеллекте и пр. Таким образом, зоометафорика являет собою один из наиболее значимых фрагментов языковой картины мира.

Рассмотрение особенностей инвективных зоометафорических номинаций приводит к заключению, что преобладающие в них отрицательные смыслы обусловлены рядом причин: во-первых, антагонистическим отношением человека к представителям фауны (животный мир рассматривается в этом контексте как мир, не до конца покорённый человеком, и как мир, представляющий опасность для человека), во-вторых, комплексом «сверхполноценности» человека по отношению к «братьям меньшим», находящимся на более низкой ступени развития, в-третьих, номинативной связью с явлениями, представляющими собой отклонения от нормы в сообществе людей (бесконтрольные действия, неадекватное поведение и т.д.) [Миронова 2001].

В контексте отражения в зоометафорике ментальных установок этноса представляет интерес анализ гендерной корреляции внутри корпуса зоометафор, поскольку такая корреляция оказывается важным фактором при формировании метафорического значения. Нами выявлено около 50 лексем, актуализирующих особенности представлений о мужчине и женщине в русской языковой культуре

в негативном ключе: *акула* (о злой, агрессивной, сварливой женщине), *анаконда* (о жене), *бабуин* (о крупной, мужеподобной женщине), *боров* (о большом, толстом, наглom, тупом и немолодом мужчине), *гibbon* (о большом, сильном мужчине), *козерог* (об обманутом («рогатом») муже) и др. Квантитативный анализ данной группы зоометафор показал, что в сознании русского человека женщина (и её характеристики) относится к самым частотным объектам описания посредством зоометафор. Нами обнаружено 35 зоометафорических ЛСВ, номинирующих женщину, в противовес 15 номинациям мужчин. Одной из причин, благодаря которой у зоометафор, номинирующих женщину, активно развивается отрицательная коннотация, является представление о мужской свободе (холостяцкая жизнь) как о ценности, которую теряет мужчина, вступая в брак. Исходя из этого, характеристика жены становится зачастую негативной: *акула* – ‘злая, агрессивная, сварливая женщина’. В основе метафоры лежит перенос по сходству: акула отличается особой агрессивностью поведения среди представителей водных глубин. При этом возникает синонимический ряд с другими зоометафорами, характеризующими женщину, например: *анаконда* (*Днём я работаю, а ночью меня моя анаконда душит*).

Отметим, что именованя мужчин зачастую имеют положительную коннотацию, наделяясь отрицательными дифференцирующими семами лишь в отношении «недостачи» общечеловеческих ценностей: ума, сообразительности, силы.

Параграф 1.3. «Интернет-среда как новая область функционирования зоометафор-инвектив» посвящён анализу зоометафор, обнаруженных в социальных сетях и блогах. Инвективные зоометафоры являются частотными языковыми единицами в интернет-коммуникации, где используются в различных функциях (прежде всего, в экспрессивной и инвективной) при оценке явлений действительности, состояния человека, его действий, поступков. В социальных сетях и блогах нередко фиксируются новые инвективные ЛСВ и фраземы (*фуражная корова* и др.), которые впоследствии могут закрепиться в интернет-дискурсе, а затем перейти в разговорную стихию, что, безусловно, является негативной тенденцией в контексте борьбы за чистоту языка. Нами была проведён выборочный анализ контента популярных интернет-ресурсов: www.livejournal.ru, новостной ленты твиттера (www.twitter.com), «статусов» пользователей «ВКонтакте» (www.vk.com), а также комментариев пользователей по поводу новостей различной направленности. За период с 1 декабря 2011 года по 31 марта 2012 года было выявлено 109 фактов употребления различных зоометафорических номинаций, при этом мы фиксировали как собственно зоометафорические образования, так и сравнительные обороты с союзом «как» и зоонимом.

На основе анализа языкового материала было выделено несколько тематических групп: «Характеристика внешности человека», «Характеристика производимых человеком действий», «Оценка поведения», «Оценка политической сферы», «Характеристика мужчины и женщины». Наиболее многочисленной группой оказалась тематическая группа «Оценка политической сферы», что говорит о по-

пулярности зоометафорических образований именно в этой сфере общественных отношений и её высокой значимости для носителей языка. С точки зрения структуры, здесь вычлняются как одиночные зоометафоры (*дроздики, хомяки, свиньи, ослы*), так и простые и сложные словосочетания с зоонимным компонентом, в том числе устойчивые: *цепной пёс, акулы империалистических газет, гиены ротационных машин, бараны с остекленевшими глазами*.

Отметим также, что, по нашим наблюдениям, в заголовках материалов СМИ сегодня также активно используются зоометафорические единицы как в устоявшихся, стереотипных значениях, так и новые, появившиеся в результате словесной игры, переосмысления фразеологических значений, цитирования высказываний известных людей и номинативных характеристик, связанных с фамилией, именем человека или каким-либо наименованием объекта действительности, например: «Кого затоптала «Хромая лошадь»?» (о жертвах трагедии в ночном клубе «Хромая лошадь») [Аргументы и факты, №49 от 7-13 декабря 2011 года].

Как показал анализ текстов современной литературы, периодики, кинематографа и интернет-пространства, процесс словообразования в корпусе зоометафор является продуктивным, и новые ЛСВ активно образуются от уже существующих. Большая часть их имеют достаточно объёмные гнёзда, образуя производные по различным словообразовательным моделям: *бык – бычить, бычиться, бычара, быковать, быковатый, зверь – зверёк, зверюга, зверяга, звероватый (человек), зверский (поступок), зверствовать, звериться*, однако имеются и зоометафоры, не образующие разветвлённых словообразовательных гнёзд: *аист, лось, пингвин, утконос, ящерица, сова, соловей, бизон, бегемот* и др.

В параграфе 1.4. «Проблема классификации инвективных зоометафор» представлены разноаспектные классификации инвективных зоометафор: типологическая, тематическая, морфологическая, стилистическая, концептуальная, парадигматическая классификации, классификации по степени синтагматической валентности, по степени словообразовательной продуктивности, по наличию или отсутствию фиксации переносного значения в толковых словарях, по характеру инвективной направленности. Проанализировав известные и предложив собственные типологии инвективных зоометафор, в частности, классификацию зоометафор-инвектив по степени синтагматической валентности, типологию по степени словообразовательной продуктивности, парадигматическую классификацию, классификацию, отражающая фиксацию переносного значения в толковых словарях, можем утверждать, что зоонимные инвективы, будучи экспрессивами, активно функционируют в различных типах дискурса, представляя собой актуальный пласт лексики.

При классификации инвективных зоометафор продуктивным оказывается использование фреймово-слотовых структур. Например, фрейм «Действия животных» включает в качестве одной из составляющих слот «Агрессивные действия»: *кушать, ужалить, заклевать, рычать*.

Предложенные классификации позволяют выявить квалификационные параметры для определения статуса инвективной зоометафоры с возможностью использования данных параметров в лингвистических экспертизах.

Во второй главе «**Экспериментальные методы в исследовании инвективных зоометафор**» даётся обоснование возможности использования экспериментальных методов при изучении зоометафор-инвектив, приводятся результаты экспериментальной работы и определяются перспективы использования предложенных методик в лингвокриминалистической практике.

В параграфе 2.1. «*Инвективные зоометафоры как объект лингвокриминалистики*» даны основные характеристики исследуемой группы лексики как объекта лингвокриминалистического описания. Проанализировав несколько лингвистических экспертиз, рассмотренных в ходе судебных разбирательств в Белгородской области, а также материалы различных специализированных интернет-форумов лингвистов-экспертов, мы пришли к выводу, что зоометафоры достаточно часто становятся предметом судебного рассмотрения и выступают либо как единичные оскорбления, либо в сочетании с другими лексемами (*лошадь с конской улыбкой*).

При этом правомерность отнесения экспертами того или иного слова к разряду оскорбительных, т.е. «унижающих честь и достоинство» (ст. 130 УК РФ), часто подвергается сомнению, что, в свою очередь, препятствует объективному разрешению конфликта. Общеизвестные нормативные словари не включают совокупность инвективной лексики во всех её проявлениях и не отражают особенностей реального функционирования инвективных лексем в узусе. И потому в инвективный/неинвективный статус слово (выражение) нередко возводится экспертами субъективно. Несмотря на значительное количество словарей, претендующих на полноту и целостность отражения инвективного корпуса языка (А. Флегон «За пределами русских словарей», Т.В. Ахметова «Русский мат: Толковый словарь», «Международный словарь непристойностей», Л.В. Дуличенко «Словарь обидных слов», Д.И. Квиселевич «Толковый словарь ненормативной лексики русского языка», «Интернет-словарь новой лексики «Словоново» (ИС «Словоново») (<http://www.slovonovo.ru/>) и др.), такие словари, включая обширный фактический материал, в силу недостаточности его теоретического обоснования, отсутствия научных классификаций не могут быть признаны объективными и легитимными.

По нашему мнению, при проведении лингвистических экспертиз об однозначной оценке выражений, имеющих оскорбительный характер, следует говорить только при наличии помет *бран.*, *обсц.*, *груб.-прост.*, если же лексемы в словарях имеют пометы *разг.*, *сниж.*, *жарг.*, *сленг.*, то возможно говорить только о дискуссионности их статуса и нецелесообразно относить их к разряду ненормативной лексики. Однако опора лишь на словарные стилистические пометы не решает всех проблем в этой области, поскольку здесь важен учёт контекстуального, речевого, коммуникативного смысла языковой единицы.

В параграфе 2.2. «Способы определения степени инвективности зоометафор» представлено обоснование возможности использования экспериментальных методик при анализе инвективных зоометафор в современном русском языке. Практика показывает, что существующий принцип экспертной оценки слова на предмет оскорбительности, в силу своей стихийности и непродуктивности, требует определённой доработки. Данная ситуация делает логичным поиск качественно новых оснований для экспертной оценки потенциальных слов-инвектив. Одним из возможных выходов из сложившейся ситуации, как нам представляется, должен стать учёт не только значений и помет, представленных в словарях, но и данных опросов носителей языка, которые в большей степени отражают современное (в его узком понимании) состояние лексического инвентаря. Эти описательные значения помогут более точно охарактеризовать инвективный «заряд» того или иного слова, а сама оценка номинации, учитывающая опору на обыденное метаязыковое сознание, в результате будет более объективной. В своём исследовании мы исходим из возможности применения подобных методов для оценки инвективного потенциала зоонимных метафор и используем методы, способствующие более строгой научной оценке функционирования инвективных зоометафор в языковой среде (метод ассоциативного эксперимента, опрос, методы математического и статистического исследований и др.). Исходя из значимости определения статуса инвективных зоометафор в судебной практике, мы определяем в своей работе сопряжённые с инвективой термины и уточняем само понятие инвективности.

В частности, одним из объективных показателей инвективного потенциала зоометафор является индекс инвективности, для исчисления которого необходимо привлечение данных опросов информантов – носителей языка. Мы трактуем индекс инвективности (I_i) как статистический показатель степени оскорбительности словоупотребления, исчисляемый по специальной формуле (см. выше).

Таким образом, с помощью лингвистического эксперимента могут быть рассчитаны индексы инвективности зоометафор-инвектив, которые, с опорой на имеющееся предписывающее – словарное – значение ЛСВ, будут отражать степень восприятия носителями языка слов как инвективных.

Данный критерий может быть применен как без учёта социальной дифференциации респондентов (эталонные показатели – $I_{i(э)}$), так и по отношению к отдельным социальным группам (групповые показатели). Значительное увеличение количества респондентов (до нескольких сотен человек) станет базой для создания «Словаря инвективности», включающего как эталонные, так и групповые показатели степени оскорбительности словоупотреблений.

В процессе нашего исследования мы провели два лингвистических эксперимента. Целью первого был анализ частотности употребления зоометафор коммуникантами. Его участниками стали 50 человек, из которых 28% опрошенных – мужчины, 72% – женщины. При этом абсолютное большинство опрошен-

ных (72%) имеют возраст от 18 до 24 лет. В опросе приняли участие школьники (16%), студенты (51%), работающая молодёжь (12%), работники гуманитарной (23%) и технической сфер (1%). Респонденты из сельской местности составили 23%, остальные информанты являются жителями города. Данные социальные параметры представляются нам значимыми в контексте рассмотрения языковой личности респондента.

Непосредственно в целях определения индекса инвективности зоометафор-инвектив нами был проведён второй лингвистический эксперимент, в котором приняли участие 114 респондентов. В эксперименте приняли участие 30 мужчин (26%) и 84 женщины (74%); 12 респондентов (11%) – до 17 лет, 75 (66%) – от 18 до 21 года, 27 (24%) – от 22 до 35 лет и 1 (1%) старше 35 лет; 8 опрошенных (7%) – школьников, 76 (67%) – студентов, 30 (26%) – работающих; среди опрошенных – представители 15 муниципальных образований Белгородской области (Белгород, Старый Оскол, Белгородский, Алексеевский, Ракитянский, Грайворонский, Шебекинский, Волоконовский, Красногвардейский и др. районы), Ставропольского края, Сумской и Харьковской областей; 15 респондентов (13%) – представители сельской культуры и 99 (87%) – городской культуры.

В параграфе 2.3. «Гендерная дифференциация инвективных зоометафор (по данным эксперимента)» представлены результаты первого эксперимента. Было установлено, что инвективные зоометафоры при выражении негативной оценки используют 88% опрошенных, что ещё раз доказывает, что зоометафоры обладают большим негативным оценочным потенциалом и являются одними из самых частотных оценочных речений независимо от возрастной и социальной принадлежности говорящих. Однако считаем необходимым отметить, что 70% опрошенных используют зоометафоры при положительной оценке собеседника.

На вопрос об употребительности зоометафорических оскорблений 93% опрошенных уверенно заявили, что их хотя бы раз в жизни оскорбляли посредством зоометафор, что вновь свидетельствует о частотности зоометафор-инвектив. В то же время их считают оскорблениями всего 16% опрошенных, 53% респондентов, то есть большинство не квалифицирует их в качестве таковых.

Экспериментальное исследование инвективных зоометафор доказало зависимость значения индекса инвективности от гендерных, возрастных, социальных, географических и культурологических факторов респондентов, а также выявило факт подвижности слова на шкале инвективности. Так, по данным опроса, самыми популярными оскорблениями в адрес мужчины оказываются лексемы из триады «козёл – баран – осёл». Данная триада, с одной стороны, являет собой пример инвектив, выполняющих экспрессивную функцию, а с другой – актуализирует в сознании говорящих такие негативные характеристики, как: 'твёрдость', 'упрямство', 'низкий интеллектуальный уровень'.

Среди «женских» зоометафорических номинаций наиболее частотными оказались инвективы, представляющие собой родовые соответствия к ранее отмеченным «мужским»: «коза» и «овца». Данный факт подтверждает, что чаще всего в активном обиходе используются полные гендерные зоометафорические пары (в

данном случае – «баран – овца», «козёл – коза»). При этом в сознании говорящих посредством зоометафор *коза* и *овца* актуализируется представление о таком негативно оцениваемом качестве, как ‘низкий интеллектуальный уровень’ представительниц женского пола, что является собой этнокультурный стереотип, обусловленный патриархальностью народно-бытовой культуры. Эта характеристика является единственно достоверно определяемой в данных зоометафорических оскорблениях, тогда как другие номинации (*тварь*, *гад* и подоб.) не позволяют – вне контекста – с точностью определить, что именно здесь подвергается оценке, и можно лишь констатировать пейоративную функцию таких номинант в целом.

В целом, по данным опроса, большей частотностью характеризуются инвективные зоометафорические именованья мужчин: *баран*, *дятел*, *кобель*, *козёл* (*козлина*), *лось*, *осёл* и т.д.

Таким образом, мы можем говорить о том, что зоометафоры являются частотными экспрессивными образованиями, которые используются коммуникантами в процессе общения с преимущественной отрицательной коннотацией, причём при выражении негативного отношения к собеседнику в каждом третьем случае используется зоометафорическая номинация.

В параграфе 2.4. «Определение индекса инвективности зоометафор с учётом лексико-семантической принадлежности номинант» представлены результаты второго эксперимента. Учитывая, что в каждой конкретной речевой ситуации слово способно реализовывать различные значения, а также менять свое коннотативное значение, во втором эксперименте мы предложили респондентам распределить по степени усиления оскорбительности слова внутри 16 лексико-семантических групп инвектив. Каждая группа была сформирована в результате комплексного анализа материалов словарей, в которых приведены переносные значения зоонимов. Названия ЛСГ были сознательно удалены нами из экспериментальных анкет, чтобы иметь возможность определить, насколько верно мы объединили данные слова в семантические группы. При этом респондентам было предложено самостоятельно номинировать каждую ЛСГ. В качестве иллюстрации приведены результаты экспериментального анализа двух лексико-семантических групп зоометафор-инвектив: «глупая женщина (девушка)» и «толстый мужчина», произведённого в рамках нашего второго эксперимента.

Ниже представлены таблицы индексов инвективности для ЛСГ «толстый мужчина» с указанием I_i в разрезе опрошенных мужчин $I_{i(м)}$ и женщин $I_{i(ж)}$ (Табл.1), респондентов в возрасте до 17 лет $I_{i(≤17)}$, от 18 до 21 года $I_{i(18-21)}$, от 22 до 35 лет $I_{i(22-35)}$ (Табл.2), социальных категорий – школьников $I_{i(ш)}$, студентов $I_{i(с)}$ и работающих $I_{i(р)}$ (Табл.3), жителей, проживающих в городе Белгород $I_{i(б)}$, Старом Осколе $I_{i(с.о)}$ и Белгородском районе $I_{i(б.р)}$ (Табл.4), носителей сельской $I_{i(с.м.)}$ и городской культур $I_{i(г)}$ (Табл.5).

Табл.1

Номинации	$I_{i(м)}$	$I_{i(ж)}$	$I_{i(с)}$
КОТ	1,954	1,945	1,92

пингвин	3,419	3,393	3,418
поросёнок	4,12	4,209	4,159
гусь	4,269	4,236	4,23
тюлень	5,703	5,655	5,637
бегемот	5,811	5,731	5,766
боров	6,114	6,157	6,182
кабан	6,407	6,464	6,46
баран	7,229	7,243	7,2
свинья	7,257	7,33	7,312
хряк	7,806	7,755	7,779

Табл.2

Номинации	$\Pi_{(\leq 17)}$	$\Pi_{(18-21)}$	$\Pi_{(22-35)}$	$\Pi_{(o)}$
кот	2,066	1,945	1,92	1,92
пингвин	3,341	3,393	3,44	3,418
поросёнок	4,22	4,209	4,161	4,159
гусь	4,264	4,236	4,196	4,23
тюлень	5,868	5,655	5,643	5,637
бегемот	6,112	5,731	5,791	5,766
боров	6,056	6,15	6,147	6,182
кабан	6,374	6,464	6,455	6,46
баран	7,202	7,243	7,183	7,2
свинья	7,057	7,33	7,312	7,312
хряк	7,615	7,755	7,813	7,779

Табл.3

Номинации	$\Pi_{(ш)}$	$\Pi_{(o)}$	$\Pi_{(p)}$	$\Pi_{(o)}$
кот	1,614	1,92	1,3	1,92
пингвин	3,465	3,418	3,31	3,418
поросёнок	3,864	4,159	3,733	4,159
гусь	3,591	4,23	3,567	4,23
тюлень	5,705	5,637	5,633	5,637
бегемот	6,357	5,766	4,733	5,766
боров	6,093	6,182	5,552	6,182
кабан	5,705	6,46	5,767	6,46
баран	7,69	7,2	6,536	7,2
свинья	6,744	7,312	7,172	7,312
хряк	8,04	7,779	7,933	7,779

Табл.4

Номинации	$\Pi_{(б)}$	$\Pi_{(с.о)}$	$\Pi_{(б.р)}$	$\Pi_{(o)}$
кот	1,92	2,073	2,033	1,92
пингвин	3,44	3,376	3,343	3,418
поросёнок	4,161	4,24	4,29	4,159
гусь	4,196	4,333	4,49	4,23
тюлень	5,643	5,823	5,653	5,637
бегемот	5,791	6,043	5,781	5,766
боров	6,147	6,116	6,232	6,182
кабан	6,455	6,427	6,523	6,46
баран	7,183	7,255	7,381	7,2
свинья	7,312	7,194	7,349	7,312
хряк	7,813	7,698	7,757	7,779

Табл.5

Номинации	$I_{(с.м.)}$	$I_{(r)}$	$I_{(э)}$
кот	1,981	1,92	1,92
пингвин	3,35	3,44	3,418
поросёнок	4,208	4,161	4,159
гусь	4,283	4,196	4,23
тюлень	5,67	5,643	5,637
бегемот	5,846	5,791	5,766
боров	6,125	6,147	6,182
кабан	6,453	6,455	6,46
баран	7,233	7,183	7,2
свинья	7,294	7,312	7,312
хряк	7,726	7,813	7,779

Экспериментальный анализ позволил сделать следующие заключения.

1. Из-за разночтений в дефинициях и системе помет предписывающие (словарные) переносные значения не могут в полной мере дать точного представления об инвективности слова или ЛСВ и степени его оскорбительности.

2. Описательные значения, которые выявляются в ходе лингвистических экспериментов, более достоверно репрезентируют восприятие носителями языка инвективных ЛСВ на синхронном срезе.

3. Значение индексов инвективности для одних и тех же зоометафор может изменяться в зависимости от каждой конкретной речевой ситуации. Это связано, в первую очередь, с явлением многозначности и наличием у зоонима нескольких вторичных ЛСВ. Однако использование таблиц со значениями индексов инвективности по различным лексико-семантическим и социальным группам упрощает задачу доказательства факта оскорбления в конкретной речевой ситуации с учётом социальной группы адресата и адресанта инвективного сообщения.

4. На основании числового значения индекса инвективности в каждой конкретной группе инвективных зоометафор (с общей архисемой), возможно выявление слабых, средних и сильных инвектив.

5. Исходя из результатов нашего эксперимента, мы можем с достаточной долей уверенности говорить о наличии определённой зависимости между половыми, возрастными, социальными, географическими и культурологическими особенностями носителей языка и восприятием ими инвективной лексики, в частности зоометафор-инвектив. Однако эта зависимость проявляется не во всех группах инвективных слов: есть группы, где различия в значении индексов инвективности минимальны. Это даёт основание полагать, что при значительном увеличении количества респондентов усреднённые индексы инвективности могут быть взяты за эталонные и лечь в основу специального словаря инвективности.

Эталонный индекс инвективности ($I_{(э)}$), на наш взгляд, параметр универсальный, позволяющий определить наличие в слове инвективных сем и степень осознанности этого слова как инвективного носителями языка.

При этом комплексный подход к зоометафорам-инвективам (анализ предписывающего (словарного) и описательного, определяемого в ходе лингвистических экспериментов, значений) выявил следующую закономерность: слова с наименьшим $\Pi_{(3)}$ в словарях имеют пометы *перен.*, *разг.* и *пренебр.*; словам со средним показателем $\Pi_{(3)}$ предписаны пометы *разг.*, *презрит.*, *шутл.-ирон.*, *молод. сленг*; сильные инвективы, отличающиеся высокими значениями $\Pi_{(3)}$, имеют пометы *разг.*, *прост.*, *груб. прост.*, *вульг.*, *презр.*, *фам.*, *бытовой жаргон*, *бран*. Однако в силу того, что в словарях различного типа одни и те же инвективные зоометафоры характеризуются различными пометами, а также по причине отставания лексикографической практики от языковой реальности, что проявляется в поздней фиксации новых ЛСВ, словари не могут дать точного представления о степени выраженности инвективных сем в той или иной зоометафоре; и в этом ключе возрастает роль экспериментальных исследований.

В параграфе 2.5. «Сопоставительный анализ синонимичных инвективных зоометафор» представлен анализ семи пар синонимов с участием инвективных метафор.

Респонденты должны были выявить (подчеркнуть) в каждой паре слово, которое, по их мнению, является более оскорбительным (при равной степени оскорбительности предлагалось подчеркнуть оба слова). Для сравнения мы отобрали лексемы, в которых при компонентном анализе выявляются общие семы, а также языковые единицы, которые связаны друг с другом ассоциативно (как слова-стимулы с идентичным набором слов-реакций): *индюк – петух*, *осёл – козёл*, *жук – лиса*, *дятел – олень*, *осёл – ишак*. Наш выбор был обусловлен высокой употребительностью данных слов в спонтанной речи.

Экспериментальный анализ синонимических пар зоометафорических инвектив позволил в итоге сделать следующие выводы.

1. Данные нормативных словарей не позволяют в полной мере оценить инвективный потенциал зоометафор, так как инвективность многих из них (*петух*, *козёл*, *дятел*, *олень*, *баран*, *хорёк*) не находит отражения в лексикографических изданиях, даже с учётом возможных стилистических помет.

2. Установление описательного значения слова посредством ассоциативных экспериментов позволяет фиксировать значения, которые сложились в обыденном сознании носителей языка, а следовательно, ощущаются как потенциально инвективные, что может служить дополнительным доказательством инвективной интенции в случае оскорбления чести и достоинства человека. Если таковые значения зафиксированы носителями языка и наличие инвективных сем подтверждается результатами ассоциативных экспериментов, то можно убедительно говорить о том, что в сознании носителей языка инвективность подобных образований не вызывает сомнений, а значит, их использование в речи заведомо предполагает необходимость несения ответственности, в том числе – административной, за употребление номинант с инвективной интенцией как нарушающее культурное табу и порочащее честь и достоинство адресата.

3. Оценка степени инвективности лексем возможна как посредством сопоставления индексов инвективности синонимичных зоометафор, входящих в единые лексико-семантические группы, так и при сравнении разнородных инвективных лексем друг с другом. В данном случае представляется продуктивным выявление общих особенностей восприятия инвективных смыслов слов носителями языка, представляющими различные социальные группы.

4. При сравнении двух синонимичных номинант по степени инвективности (оскорбительности) возможны следующие ситуации (далее представлены общие результаты сравнения).

А. Одна из лексем оценивается носителями языка как более оскорбительная по сравнению с другой; при этом в лексикографических источниках представлено инвективное значение обеих лексем и имеются соответствующие пометы (в данном случае говорим о представленности инвективных значений в нормативных и ненормативных словарях): *осёл – шиак* и проч.

Б. Одна из лексем оценивается носителями языка как более оскорбительная по сравнению с другой; в лексикографических источниках инвективное значение представлено не в полной мере (например, отмечается только в одном из ненормативных словарей, но не зафиксировано в нормативных толковых словарях) или не представлено вовсе: *индюк – петух, осёл – козёл, дятел – олень*. В данном случае могут возникать сложности в проведении лингвокриминалистической экспертизы, исходя из чего лексикографические лакуны должны быть заполнены посредством создания специальных словарей дискриминирующей лексики с включением зоометафорических ЛСВ.

В. Ни одна из лексем не воспринимается говорящими как более оскорбительная (можем говорить о полном или практически полном тождестве инвективности языковых единиц), в лексикографических источниках представлено инвективное значение обеих лексем и имеются соответствующие пометы: *животное – бык*.

5. В отношении некоторых синонимичных пар (например, *осёл – козёл*), несмотря на то, что при сравнении ответов респондентов выявляется явный «лидер инвективности» (козёл – 41%), мы не можем с достаточной долей уверенности утверждать, что в сознании всех носителей языка такая дифференциация присутствует. Как показал эксперимент, для носителей языка представление о некоторых зоометафорах как номинантах с общим пейоративным значением (без конкретизации) является ведущим (данный факт подтверждается и материалами словарных статей).

6. В области инвективных зоометафор проявляется ещё одна тенденция: представители более старшего возраста (от 22 до 35 лет) (работающих) в целом ориентированы на словарные, то есть общенародные толкования лексем, в отличие от более юных носителей языка, для которых количество ЛСВ зоонимов расширяется за счет включения в речь элементов жаргона, вплоть до арготических «заимствований».

7. При сравнении зоометафор-инвектив со словами других групп инвективной лексики отмечаем тенденцию к восприятию прямых оскорблений как более дискриминирующих по сравнению с переносными значениями зоонимов (*тупица – баран, хорёк – жмот* и др.). Также верно, что при сравнении метафорической номинанты, для которой возможны как положительная, так и отрицательная коннотации, с номинантой с преимущественно отрицательной оценочностью носители языка с большей долей вероятности отметят как более оскорбительную именно вторую номинацию (*лиса – жук* и подоб.).

8. Одним из дополнительных факторов при формировании в сознании носителей языка представления о номинанте как более оскорбительной является инвективная многозначность лексемы (по сравнению с однозначными инвективами) (*ишак – осёл* и подоб.).

В параграфе 2.6. «Суммарное коннотативное значение инвективы как реализация категории оценочности» в качестве дополнительного доказательного параметра представлены расчёты суммарных коннотативных значений инвективных зоометафор.

Приведём сводную таблицу с указанием общего суммарного коннотативного значения (**КЗ**) для всех слов, которые были рассмотрены в ходе данного этапа эксперимента (Табл.6):

Табл.6

Номинации	Значение КЗ(э)	Номинации	Значение КЗ(э)	Номинации	Значение КЗ(э)
Слабые инвективы					
пингвин	42	собака	40	гад	21
утка	38	гад	38	пиявка	19
коза	32	хорёк	32	змея	12
конь	27	насекомое	30		
курица	15	гадёныш	24		
лось	15	козёл	15		
		свинья	14		
Средние инвективы					
баран	9	жаба	10	свинья	1
олень	9	клоп	9	скотина	-9
дятел	6	гиена	8		
овца	4	выдра	7		
осёл	-2	скотина	3		
		глист	-8		
Сильные инвективы					
стадо баранов	-23	гнида	-42	-	

Рассмотрев инвективные зоометафоры с позиции реализации в их коннотативной семантике категории оценочности, мы пришли к следующим выводам:

1. Для группы слов, состоящей из 15-25 лексем, можем говорить о слабых инвективах, если значение суммарного коннотативного значения, полученного в ходе опроса респондентов, находится в пределах от «+10» и более, для средних – от «-10» до «+10», для сильных – меньше «-10».

2. Суммарное коннотативное значение во многом зависит также от структуры инвективной единицы. Так, при употреблении инвективного фразеологизма с

зоометафорой негативная коннотация оборота в целом оказывается более проявленной по сравнению с коннотативным значением отдельной зоометафоры.

3. Положение сильных инвектив на шкале инвективности можно определить как более устойчивое, тогда как наибольшей подвижностью обладают средние и слабые инвективы.

Предлагаем алгоритм анализа инвективной лексики с целью диагностирования инвективного намерения индивида:

1) Внешний анализ ситуации оскорбления (место и форма дискриминации, особенности коммуникантов и т.д.);

2) Выявление инвективных лексем, их толкование с опорой на данные нормативных словарей;

3) Привлечение к анализу (в случае необходимости) словарей ненормативной лексики;

4) Подкрепление полученных данных статистическим значением индекса инвективности, определённым для анализируемого ЛСВ.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы исследования.

В ходе теоретического анализа инвективных зоометафор были выявлены следующие особенности данной группы слов:

– двойственность природы (инвектива одновременно выступает объектом лингвистики и права);

– высокая словообразовательная и смыслообразовательная продуктивность;

– длительная история функционирования и высокая частотность употребления (в экспрессивной, инвективной, художественной и пр. функциях);

– неоднозначность трактовки в связи с разночтениями в словарных дефинициях и неоднозначностью помет в различных нормативных и ненормативных словарях;

– синонимическая соотнесённость со словами из других разрядов инвективной лексики (*баран – дурак, тупой; корова – толстуха, жирдяйка; ночная бабочка – публичная женица*).

В ходе исследования определены критерии оценки слов из разряда эмоционально-оценочной лексики как потенциальных слабых, средних и сильных инвектив: слабые инвективы чаще всего имеют пометы *перен.*, *разг.* и *пренебр.*, средние – содержат пометы: *разг.*, *пренебреж.*, *презрит.*, *шутл.-ирон.*, *сленг*, а сильные – *разг.*, *прост.*, *груб. прост.*, *вульг.*, *презр.*, *фам.*, бытовой жаргон, *бран*. Привлечение к анализу данных ненормативных словарей (словарей сленга, жаргона и арго и др.) позволяет зафиксировать развитие инвективного ЛСВ на начальном этапе, а также опираться на сам факт присутствия зоометафоры в ненормативных словарях, что заведомо репрезентирует языковую единицу как инвективную (речь идёт, прежде всего, о словарях бранной лексики).

Экспериментальное исследование инвективных зоометафор доказало зависимость значения индекса инвективности от гендерных, возрастных, социаль-

ных, географических и культурологических факторов респондентов, а также выявило факт подвижности слова на шкале инвективности.

При сравнении зоометафор-инвектив со словами других групп инвективной лексики отмечаем тенденцию к восприятию прямых оскорблений как более дискриминирующих по сравнению с переносными значениями зоонимов (*тупица – баран, хорёк – жмот*). Также верно, что при сравнении метафорической номинанты, для которой возможны как положительная, так и отрицательная коннотации, с номинантой с преимущественной отрицательной оценочностью носители языка с большей долей вероятности отметят как более оскорбительную вторую номинацию (*лиса – жук* и подоб.).

Полученные значения индекса инвективности и дефиниции инвективных зоометафор в перспективе – при значительном расширении эмпирической базы – могут стать основой для сводного «Словаря инвективности», в чём мы усматриваем одну из возможных перспектив нашего диссертационного исследования.

В Приложении представлены две формы анкет лингвистического эксперимента, сводные таблицы сравнения инвективных зоометафор в русском и английском языках, значений индексов инвективности частотных зоометафор с учётом гендерных, возрастных, социальных, географических и культурологических особенностей носителей языка (на материале лингвистического эксперимента), суммарные коннотативные значения инвективных зоометафор, входящих в различные ЛСГ.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

*в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК:*

1. Маслов А.С. Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке / А.С. Маслов // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – № 13 (156). вып. 18. – 2013. – С. 33-40 (0,7 п.л.).

2. Маслов А.С. Индекс инвективности: на стыке лингвистики и права (на материале лексико-семантической группы зоометафор-инвектив «Подлость») / А.С. Маслов // В мире научных открытий (Проблемы науки и образования). № 11.6(47). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. – С. 218-236 (0,9 п.л.).

3. Маслов А.С. Использование комплексного подхода при исследовании зоометафор-инвектив в современном русском языке / А.С. Маслов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 1. doi: 10.12731/2218-7405-2014-1-10. Режим доступа: http://journals.org/index.php/sisp/article/view/1201410/pdf_500 (1,2 п.л.).

1. Маслов А.С. Чтение как ядро российской культуры / А.С. Маслов // Роль и место русского языка в современном мире: материалы II Международной студ. научно-практической конференции. – Белгород: ИПЦ «Политерра», 2008. – С. 60-67 (0,4 п.л.).
2. Маслов А.С. Сквернословие как хроническая болезнь языка / А.С. Маслов, С.А. Кошарная // На пути к преодолению сквернословия: программно-целевой подход и муниципальная практика: Материалы «круглого стола». Белгород, 24 марта 2009 г. – Белгород: КОНСТАНТА, 2009. – С.30-31 (0,1 п.л. (авторских – 50%)).
3. Маслов А.С. Образы животных в интерпретации поведенческих моделей людей / А.С. Маслов // Славянские чтения-2009: Материалы IV регионального конкурса-фестиваля и заочной научно-исследовательской конференции, посвящённой 55-летию образования Белгородской области. – Старый Оскол: СОФ БелГУ, 2009. – С.165-170 (0,3 п.л.).
4. Маслов А.С. Зоометафорическое смыслопорождение как актуальный процесс речевого дискурса / А.С. Маслов // Актуальные исследования в сфере культуры и искусств: сборник докладов всероссийской (с международным участием) студенческой научно-практической конференции, Белгород, 22 апр. 2010 г. /Часть II. – Белгород: БГИКИ, 2010.- С. 275-278 (0,2 п.л.).
5. Маслов А.С. Зоометафоры в текстах современной литературы (на примере проекта «Этногенез») / А.С. Маслов // Современные направления в методике преподавания русского языка и литературы в национальной общеобразовательной школе. Материалы международной научно-практической конференции учителей русского языка и литературы Армении, России и других стран СНГ. – Ереван: Изд-во «Велас принт», 2011. – С.203-210 (0,4 п.л.).
6. Маслов А.С. Зоометафоры как изобразительное средство современной литературы (на примере проекта «Этногенез») / А.С. Маслов // Славянские чтения – 2011: Материалы VI регионального конкурса-фестиваля и заочной научно-исследовательской конференции, посвященной 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. – Старый Оскол: Изд-во «Оскол-Информ» / СОФ БелГУ, 2011. – С.135-138 (0,2 п.л.).
7. Маслов А.С. Зоологические метафоры и сравнения в политической сфере (на примере материалов СМИ) / А.С. Маслов // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч-практ. семинара. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2012. – С.190-193 (0,1 п.л.).
8. Маслов А.С. Зоометафоры: инвективный потенциал и материалы к специализированному словарю / А.С. Маслов // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур: сб. науч. ст. (по итогам международной научно-практической конференции). – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2012. – Ч.І. – вып.7. – С. 88-92 (0,3 п.л.).

9. Маслов А.С. Фразеологизмы с зоонимными компонентами: современные подходы к изучению / А.С. Маслов, С.А. Кошарная // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. ст. по итогам III Международной научной конференции (Белгород, 19-21 марта 2013 года). – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 197-203 (0,5 п.л. (авторских – 50%)).

10. Маслов А.С. Зоометафоры-инвективы в русском языке: тематическая классификация и стилистические особенности / А.С. Маслов // Молодёжь в постиндустриальном обществе: Сб. науч.тр. – Саратов – Дюссельдорф: Изд-во Пресс-лицей, 2013. – С.193-196 (0,2 п.л.).

11. Маслов А.С. Концепт «женщина» в русском и английском языках (на материале зоометафор) / А.С. Маслов // Роль и место русского языка в современном мире (материалы V Международной научно-практической конференции). – Белгород: ИПЦ «Политерра», 2013. – С. 73-81 (0,4 п.л.).

12. Маслов А.С. Лексико-семантические группы зоометафор-инвектив в современном русском языке / А.С. Маслов // Проблемы лингвистики и лингводидактики: международный сб. науч. ст. Вып. 1. – Белгород: ИПЦ «Политерра», 2013. – С. 176-180 (0,3 п.л.).

13. Маслов А.С. Семантические особенности употребления зоометафор в русском и английском языках / А.С. Маслов // Научный журнал «Апробация». №10 (13) 2013. – Махачкала: НИЦ «Апробация», 2013. – С. 72-75 (0,4 п.л.).